

УДК 130.2:930.2:347.78.034

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-1-11-17

Числов И. М.

«МАЛЫЙ НАРОД – УДИВИТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ...»

Аннотация. В статье исследуются метафизические корни сербской традиции. «Малый народ» кажется удивительным явлением. Для объяснения этого феномена за исходную позицию принимается суждение Исидоры Сикулич о том, что малый народ сербов лишь выглядит таковым, а «на самом деле является консервативной, смиренной и долготерпеливой составляющей некоего великого народа или целой расовой общности. И он осознает это <...> осознает себя как закваску и расовую сущность чего-то большого и вечно создаваемого» [7, с. 45]. С этой точки зрения анализируется ряд аспектов, касающихся языка, исторической и культурной традиции, включая проблему поэтического перевода. Автор обращает внимание на огромный интерес к национальной традиции сербов, проявляющийся со стороны русской и европейской молодежи.

Ключевые слова: Сербия; сербы; сербский язык; сербская традиция; молодежь; поэзия; проблема перевода.

Chislov I. M.

«SMALL NATION IS A STRANGE PHENOMENON...»

Abstract. The article examines the metaphysical roots of the Serbian tradition. «Small nation» seems to be a strange phenomenon. To explain this phenomenon, the author takes a starting position of Isidore Sikulich's judgment that the small Serb nation only seems to be small, however, it «is indeed a conservative, humble and long-suffering part of a greater nation or a whole racial group. And people know it <...> the nation is aware of themselves as a leaven and racial essence of something big, a nation that breeds a nation» [7, p. 45]. From this point of view the author analyzes some aspects of the language, historic and cultural traditions, including the problem of the poetry translation. The author speaks about the great interest in Serbian tradition taken by a younger generation of Russians and Europeans.

Keywords: Serbia; Serbs; the Serbian language; Serbian tradition; younger generation; poetry; the problem of translation.

В последние годы огромный эмоциональный интерес российского общества к сербской теме начинает отчасти спадать, отчасти же – трансформироваться в некое «объективное» отношение, с попыткой беспристрастного научного (что само по себе похвально) анализа и современного подхода к актуальным вопросам славянского единства и векового братства. Данная тенденция одновременно и радует, и настораживает. Попытаемся же разобраться, что является стержневой составляющей сербской национальной традиции, и выяснить, почему она и по сей день обладает столь притягательной силой для русского человека, в том числе для юного поколения, представители которого с особой радостью участвуют в русско-сербских культурных мероприятиях.

Так, в частности, в 2015 году торжественно отметил свой пятилетний юбилей поэтический конкурс «Сербия в сердце моем...», регулярно проходивший в последние годы в Посольстве Сербии в Москве. Размышляя о пройденном пути и подводя некоторые итоги, организаторы с удовлетворением констатировали, что полностью

достигли своей цели: «пробудили у русских школьников и студентов живой, неподдельный интерес к культуре братского славянского народа, а значит, не просто приблизили сербскую литературу к юному читателю, но и сделали ее частью его духовного и душевного мира. Причем произошло это самым естественным образом, при горячем отклике и искреннем сопереживании молодых участников большого и серьезного проекта, который буквально с первых же дней вышел далеко за рамки славянских отделений специализированных столичных вузов и нескольких московских школ с программным изучением сербского языка». Было подчеркнуто, что «дети и их наставники приезжают на праздник сербской поэзии даже из других городов, в том числе и из тех русских земель, что находятся сегодня за пределами российской государственной территории» [12, с. 3]. С другой стороны, среди молодых выступающих можно было увидеть старшекурсников МГУ и СПбГУ, аспирантов и преподавателей, возглавлявших студенческие коллективы. Все это заставляет задуматься о причинах несомненного успеха,

пристальнее всмотреться в образ славянской Сербии, сформировавшийся в последние десятилетия у наших соотечественников.

Уже в 90-е годы прошлого столетия слова *сербы* и *Сербия* стали для многих людей в России символом жестокой боли и страданий ближнего – и в то же время – удивительной стойкости и мужества, катастрофически недостающего, если говорить словами святителя Николая Сербского, современному человеку. После крушения коммунистической системы в нашей стране эхо от падения советского колосса прокатилось по всему миру. Но с особой силой отозвалось на древней земле европейского континента. Грандиозные перемены, произошедшие в Восточной Европе, привели к повсеместному слову, разброду и смятению. И одновременно, в горниле разрушений, при тотальном крахе прежнего порядка вещей, еще недавно казавшегося незыблемым, ясно обозначились контуры *исконного* и действительно вечного. Раньше других славянских и европейских народов это увидели и поняли наши православные братья – сербы.

Сейчас мы и сами начали, наконец, осознавать суть происходящего. Страшные события на Украине заставили нас пересмотреть многие недавние штампы «перестроечной» демократии и задуматься не просто о национальных интересах, но и о сохранении самого естества нашего. Последнее, естественно, невозможно без бережного и уважительного отношения к собственной истории и культурно-исторической самоидентификации, частью которой является родовое славянское и индоевропейское наследие, равно как и духовные и кровные связи в рамках сей широкой человеческой общности.

Сербы – самый западный из православных славянских народов. И не только географически удалены они от нас. Начиная с 1917 года обычный русский человек у себя на родине практически ничего не знал о них (хотя во времена Пушкина и славянофилов, например, ситуация была совсем иная). На протяжении многих десятилетий мы говорили почти исключительно о Югославии и югославах, тогда как сербы даже СССР называли Россией. В их представлении это была прежняя Держава – *удерживающий*, пусть и под богоборческим и чужеродным гнетом. Именно так воспринимал нашу Родину в годы Второй мировой войны святитель Николай Сербский, еще ранее предрекавший русскому народу «огненные

испытания», из коих он выйдет «более светлым, могучим и славным» [11, с. 42; 9, с. 150].

Социалистическая Югославия не входила в единый социалистический лагерь. С точки зрения рядового советского обывателя, она была скорее буржуазной и прозападной страной, что, казалось бы, полностью подтверждала внешняя сторона ее повседневной жизни. Отголоски того прежнего, поверхностного, восприятия с новой силой звучат сегодня на постсоветском пространстве. Демократия сознательно углубляет пропасть между единокровными и единоверными народами. И вот уже вступление России в Первую мировую войну и поддержка братской Сербии объявляется самоубийственным шагом, чуть ли не главной причиной революции и последовавшей за этим русской трагедии. Странники различных социальных и «евразийских» («суперэтнических») теорий называют анахронизмом исконные этнические связи (они же и подобные им деятели, выступая на словах за христианские ценности, «выражают обеспокоенность» по поводу «наметившегося сращивания церкви и государства»). Либерализм и «просвещенный» светский патриотизм оказываются едины в своем отношении к национальному вопросу. Некоторые такие деятели договариваются даже до того, что отказывают сербам в праве на Косово. Несостоятельность данных провокационных заявлений сегодня уже всем очевидна. Однако для полного преодоления подобных взглядов и реального «обновления сербистики» [5, с. 229] необходимо преодолеть многие ложные стереотипы, успевшие укорениться в сознании определенной части современного российского общества. В том числе и такие, что восходят еще ко временам свободного и беспрепятственного, не отягощенного идеологическими догмами русско-сербского диалога, когда некоторые заблуждения проистекали скорее из неведения, нежели от злого умысла.

Так, например, где-то со второй половины XIX века русская общественно-философская мысль стала впервые замечать в тех же балканских славянах не только не подвергаемое сомнению кровное родство, но и некую вступающую в явное противоречие со вселенским духом Православия узкую «младобуржуазность». Вспомним, как определял внешние признаки последней Константин Леонтьев в своей знаменитой работе «Византизм и славянство»: «У болгарского патриота в комнате, рядом с иконой православных Кирилла и Мефодия, обучавших болгар славянской национальной грамоте (это главное для них, а не крещение), вы видите

обыкновенно язычника царя Крума, которому подносят на мече голову православного греческого царя» [4, с. 162]. Как ни прискорбно, через призму подобного отношения нередко смотрят и на сербскую традицию. Между тем даже применительно к византийско-болгарскому противостоянию конкретного периода данный вывод, как нам кажется, будет не совсем правомочен¹. И уж тем более необоснованным выглядит, на наш взгляд, заключение о некоем балканском субстрате. Всем известен хрестоматийный пример «царя сербов, греков, болгар и арбанасов» Душана Сильного (1331-1355), при котором Сербия стала могущественнейшей державой в Юго-Восточной Европе. Но все ли помнят о том, как остановил свои победоносные рати на границе собственно эллинских владений беспомощной уже тогда Византии дед Душана – король Милутин, взявший лишь славянские земли в качестве приданого за греческой принцессой Симонидой, чей лик на известной фреске в Грачанице вызвал такую темную ярость в груди одичавшего албанского вандала, выцарапавшего глаза изображению? Или о том, как грезил о свободных и единых Балканах простой неграмотный гайдук Георгий Черный, достойный наследник «златокудрой и белолицей сербской властельи» [13, с. 664], подло преданный австрийским евреем на русской дипломатической службе Карлом Нессельроде – по-своему тоже «достойным» предшественником Козырева, Черномырдина и прочих наших дипломатов-«общечеловеков», чья деятельность нанесла немалый ущерб как русским национальным интересам на Балканах, так и самому имиджу России в регионе.

Опять же оговоримся, главное для нас – не противопоставить сербскую, изначально славянскую аристократию, «синеоких Неманичей», смуглым тюркским ханам (таким, как «царь» Крум и др.), заложившим основы ранней болгарской государственности. Не зафиксировать лишний раз ущербность албанской «традиции», коя зиждется в первую очередь на отступничестве – и от христианской веры, и от своих же собственных, исконно европейских и иллирийских, как они утверждают, истоков – ради стяжания призрачных сиюминутных выгод, оборачивающихся в итоге адскими путями,

которые лишь крепнут от судорожной ненависти к народам, не осквернившим себя грехом коллективного предательства. (Эти моменты почему-то упускает из виду Леонтьев, верно замечаящий, что «начало истории кладет всегда неизгладимую печать на всю дальнейшую роль народа; и черта, по-видимому, не важная, не резкая вначале, разрастаясь, мало-помалу принимает с течением времени все более и более грозный вид» [4, с. 163]). Мы хотим просто напомнить, что сербская традиция была всегда теснейшим образом связана как раз с «византизмом» как основой всей духовной и державной жизни этого крупнейшего южнославянского народа, чьи правители в эпоху наивысшего расцвета сербского средневекового государства сознательно принимали на себя соответствующие титулы, возлагая на рамена почетное и нелегкое бремя. Душан Сильный был именно «государем сербов, греков и болгар» и именно в этом качестве вошел в балканскую и мировую историю. Болгарская держава Симеона и Самуила, существовавшая несколькими столетиями раньше, не уступала по своим размерам Душановой Сербии, однако, несмотря на входившие в ее состав сербские и иные земли, она была «болгарским царством» – и только. Ибо не вдохновлялась имперской, царской идеей, но, наоборот, укреплялась во многом за счет сознательного (или подсознательного) противостояния ей. Душан же стремился возродить Византию – Второй Рим, и его с радостью встречали прежде всего сами греки, уставшие от собственных склочных претендентов, приводивших на землю православной Эллады бесчисленных иноверцев и даже азиатов-турок в качестве союзников в борьбе за власть. Ведь что такое Царство? Подлинное царство в его традиционном понимании, как мы все хорошо знаем, всегда есть заветное отражение, далекий отблеск желанного Царствия Небесного. Оно служит в первую очередь вневременным и наднациональным целям, освященным свыше, исполняет на земле роль *удерживающего* (2 Фес. 2.7).

Не племенным, не узко государственным интересам служили сербские правители, но каждый раз стремились воплотить в несовершенном земном устроении недостижимый небесный идеал. Свидетельство тому тысячи монастырей и храмов по всем Балканам («Где задушбины соседних народов и правителей на сербской земле?» — спрашивает святитель Николай Сербский, и продолжает: «И хотя болгары предъявляют права на Македонию и

¹ Язычник Крум действительно повелел сделать чашу из черепа византийского императора Никифора Арапа. Однако сей последний был вовсе не «православным греческим царем», а узурпатором ближневосточного происхождения и притеснителем церкви.

Фракию, нигде в этих землях мы не увидим ни одной задушбины болгарских правителей, тогда как греческая Фессалия и все окрестности болгарской столицы украшены святынями, воздвигнутыми сербами-ктиторами» [6, с. 64]). Вселенский настрой и космическая гармония сербской души, что сродни древней гармонии сербской речи, сохраняющей праславянскую и протоевропейскую мелодику, полностью или частично утраченную другими славянскими языками (современный сербский язык, обладающий четырьмя типами ударения, в просодическом плане признается многими лингвистами «древнее» древнегреческого – И. Ч.)... Историческая роль Сербии уже в новое время, связанная прежде всего с высокой жертвенностью, отпечаток которой невольно несло на себе даже сербское югославянство... Всё это позволяет нам с полным правом говорить о сербах как о подлинно державном народе. Враг, кстати, также ясно понимает сие. Показательно заявление, сделанное в роковом и судьбоносном 1999 году американским представителем в ОБСЕ: «То, что происходит сейчас на Косове и вообще в бывшей Югославии, это вовсе даже не конфликт сербов с албанцами или иными их соседями, но столкновение Уолл-Стрит с Византией»².

«Малый народ – удивительное явление. Иногда он вовсе даже и не малый. Просто кажется таковым. Тогда как на самом деле является консервативной, смиренной и долготерпеливой составляющей некоего великого народа или целой расовой общности. И он осознает это, <...> осознает себя как *закваску* (выделено нами – И. Ч.) и расовую сущность чего-то большого и вечно созидаемого» [7, с. 45], – в этих словах ученицы святителя Николая Сербского, образованнейшей сербской женщины XX столетия, Исидоры Секулич, заключена, на наш взгляд, самая суть понятий *сербство* и *сербскость*. «Через борьбу личную, национальную, расовую, природную мы приподнимаемся над грехом и смертью»³, – писал сам Святитель. Малая балканская родина была для великого апостола Европы и Славянства краеугольным камнем явственно ощущаемого древнего единства, обретшего свой подлинный смысл во Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

Сербию часто называют сердцем Балкан. Есть, безусловно, определенный чисто географический символизм в самом ее срединном, доминирующем

положении в регионе. Здесь сходятся главные водные артерии: Тиса, Морава, Сава. Драва впадает в Дунай в его среднем течении, а Дрина – в Саву. Здесь пролегли важнейшие транспортные пути в Центральную Европу, как когда-то проходили древние римские дороги, связующие части единой необъятной Империи. Есть символизм и метагеографический – символизм исторического и сакрального пространства. Там, где расположен сегодня полумиллионный сербский город Ниш, на пересечении древних путей, в граде-крепости Наиссусе, родился император Константин Великий – повелитель Первого и основатель Второго Рима (а на крайнем западе, на территории современного государства Хорватии, будет чуть позднее воздвигнут на самом берегу Адриатического моря роскошный уединенный дворец, где в постоянном страхе и ожидании возмездия станет доживать последние дни жестокий гонитель христиан Диоклетиан, проклятый царь *Дуклянин* сербских легенд и преданий, которого – с подачи заокеанских покровителей – уже давно стараются реанимировать и реабилитировать в новое время как либеральные слависты, так и политики-сепаратисты).

Белград – не единственный *Белый город* на сербской земле. Белым Скадаром называли когда-то албанский Шкодер, который на самом деле был славянским. Был свой белый город и в Приморье: далматинский Белград, Белград-на-Море. Были и другие. Но самым известным всегда оставался тот первый и главный Белград на Дунае, коему в XV веке суждено было стать столицей Сербии.

Синеокий богатырь Дунай фигурирует в древнерусских былинах. Имя этой великой славянской реки, более полноводной и могучей, чем германский Рейн, хорошо известно у нас, хотя она и не течет по Русской равнине. Крупнейший современный ученый-славист Олег Николаевич Трубачев (1930-2002), в чьих трудах убедительно доказывается исконность славянского присутствия на древней земле Европы – общей родины всех индоевропейских народов, считал, что речь идет об *этнической памяти*: «Степень интимности образов и мотивов Дуная, характерная для русских народных песен, едва ли вообще сравнима с чем-нибудь аналогичным и едва ли объяснима чужим заимствованием. Достаточно полистать собрание народных песен П.В. Киреевского, где на Дунай ходят по воду, в нем мочат холсты, почтительно величают его на чисто русский манер „по батюшке» Дунай, сын Иванович, более того – смешивают его в своих представлениях с Доном („За Доном, за Доном, за тихим Дунаем», „С Дону, с Дону... с-за

² Светигора, бр. 83, 1999, с. 27.

³<https://srpskapravoroslavnacrkvalion.files.wordpress.com/2014/12/iznad-greha-i-smrti-nikolaj-velimirovic.pdf>

Дунаю!»») [10, с. 11]. Среднедунайская теория прародины славян академика Трубачева удивительно промыслительным образом согласуется со свидетельством Нестора Летописца («сели суть Словени по Дунаеви») и лишней раз подтверждает неслучайность многих древне-современных параллелей. О.Н. Трубачев хорошо знал и по-настоящему любил Сербию. Не в последнюю очередь потому, что явственно видел в сербах ту старинную основу национальной славянской жизни, коей так недостает сегодня всем нам.

В самом сербском имени (ср. лат. *servare* «охранять», «спасать», «сберегать» и др.) заключено это значение крайнего славянского форпоста, ставшего с веками западным рубежом Православия. Не зря лужицкими сербами, «сорбами» до сих пор именуют самых западных уроженцев славянского мира, проживающих ныне на территории Германии. Впрочем, сербство, как мы уже отметили, есть не просто синоним широкого распространения и порубежья. Сербство – это «закваска», концентрированное выражение славянской этнической памяти, сведение воедино, казалось бы, навеки разобщенного и разъединенного. И не только славянского.

«Над Льештанским, с Ливаницы, / словно туча грозовая, / сквозь зеницы певчей птицы / смотрит Босния седая», – скажет современный поэт Милосав Тешич (р. 1947). Здесь, среди скал, переходящих в лесистые горы, теряющиеся за горизонтом, струится по острым камням, бурлит, ныряет в ущелья и вновь вырывается на голый простор стремительная, пенная Дрина. Как и на Дунае, многие ее теснины могли бы быть названы Железными Воротами. Дрина, река-рубеж, некогда граница между Восточной и Западной Римской империей, стала исторической границей между Востоком и Западом.

Для традиционного русского сознания Восток и Запад, как правило, являются взаимоисключающими понятиями. Святая Русь, подножие Престола Господня, в принципе, и не нуждается в географической локализации. Но серб всегда осознавал себя частью Европы. «Шрамы кровных разрывов» прошли по его живому телу. И хотя он, не колеблясь, сделал правильный выбор, беспощадно отсекая пораженные грехом члены (Мф. 18. 8-9), дерзновение и надежда подсказывали ему, что не всё еще потеряно и для его единокровных падших братьев, еще способных очнуться на краю пропасти и отомкнуть железные ворота покаянной молитвой. «У Христа Спасителя было изначально две дочери, – пишет святитель Николай Сербский, – Азия и Европа. Азия представляла собой старшую дочь, а Европа младшую. И

сильно возлюбил Христос младшую дочь Свою, и младшая дочь любила Христа и тысячу лет жила с Ним, не помышляя о разделе» [1, с. 145]. Неужели безумные столетия отчуждения навсегда перечеркнули ту прежнюю органическую жизнь европейского человека, спрашивают святитель Николай и преподобный Иустин – и выражают надежду, что примет еще Европа истинное крещение и обратится ко Христу, «и отпадет чешуя с очей ее» [1, с. 112]. Да и кто такие славяне, русские, сербы, если не европейцы? Конечно, по большому счету, человеческая история есть процесс апостасийный. И все же исконные связи не рвутся в одночасье. Тем более не рвут их в минуту разора и великих испытаний. Когда-то Н.Я. Данилевский противопоставлял Россию и Славянство Европе. И был прав. Ведь тогда речь шла о цивилизации. Об укладе и державном пространстве, сократившемся сегодня до сгустка крови, до вспышки памяти о единой некогда вере и судьбе, с особой ясностью постигаемой в час утраты.

«От Индии праотцы сербские восприняли множество слов, древнеиндийских и санскритских. Но еще важнее этого – вера в судьбу... Глубочайшая вера сербского народа есть вера в судьбу. Не в слепую судьбу, но в судьбу промыслительную, плановую и праведную», – пишет владыка Николай (Велимирович) в своей работе «Сербский Народ как Раб Божий», – «...История сербов – вся трагична. Путь сербского народа ведет по опасной крутизне над бездной. Если бы сербы смотрели вниз, в пропасть, над которой грядут, они устрашились бы и скоро упали и пропали. Но они глядели ввысь, в небо, на судьбоподателя Бога, с верою в Него <...> поэтому они смогли преодолеть путь по отвесным скалам, какими ни один народ белой расы доселе не проходил» [6, с. 8, 90-92]. Европейский (и индоевропейский) выбор сербского народа, по мнению величайшего сербского мыслителя XX века, не есть выбор человеческий. Се есть судьба, «промыслительная, плановая и праведная». Царский путь...

С учетом этого выбора по-иному воспринимается и непокорная бурливая Дрина, и Динарский хребет, отделяющий лазурную Адриатику от суровой Боснии. Величайший сербский поэт XX столетия Йован Дучич (1876-1943), чей прах уже в наше время был перенесен на родину и погребен в стенах храма в Новой Грачанице (Требинье), сам уроженец славной Герцеговины и королевский дипломат, видел в них символ не разъединяющего, но связующего и укрепляющего начала:

*И Дрина, навсегда связавшая два берега,
Как два предсердия в груди одной,*

*Два ангельских крыла, как два побега
Из корня одного молитвы неземной.*

Связуя сегодня собственно Сербию и героическую Республику Сербскую – первое православное государство в новейшей истории Европы (в не обозначенной на политических картах мира, но при этом реально существующей полуторамиллионной Республике Сербской, в два раза превышающей по территории Черногорию, Православие официально является государственной религией, а Закон Божий – обязательным школьным предметом – И.Ч.), расположенное к западу от древней «границы цивилизаций», – Дрина питает всю кровеносную систему Балкан, в чьей груди мерно бьется сербское сердце, посылая свои импульсы сквозь пространство и время как ближним, так и далеким частям некогда единого целого.

Подобно тому как сербская традиция всю сербскую историю рассматривает через призму Косовской жертвы и Косовского завета («Главное, чтобы Косово не исчезло в сербском сознании, – сказал мне однажды один сербский епископ, – в этом случае вернуть его с Божией помощью не составит большого труда»), так и мы, говоря о сербском вопросе, должны постоянно иметь в виду это архетипическое присутствие великого в малом, которое, благодаря не разорванным до конца исконным связям, в какой-то момент само становится великим. «Закваска» и «расовая сущность», духовные основы жизни и вера народная вновь созидают древнее единство – в противовес и вопреки тленному, «общечеловеческому» и «вавилонскому» искусственному объединению, будь то бывшая интернациональная теократия римских пап, просвещенческая либеральная демократия или сегодняшней «глобализм».

Заставит ли сербский пример очнуться тех европейцев, что еще способны преодолеть гипноз «современного мира» и увидеть в балканских славянах – сквозь мутную пелену собственного сытого (но призрачного) благополучия – свою былую свободу? Как бы то ни было, Сербия в нашем понимании не просто мост между европейским Востоком и Западом, но одновременно и мост между нашим общим прошлым и настоящим, а возможно – и мост в будущее. Во всяком случае, когда сербы смело и честно заявили о своем неотъемлемом праве жить по собственным законам, многие русские люди увидели в этом пример для себя. Особенно – молодежь, впервые, быть может, столкнувшись с подобным проявлением национального достоинства. (Любопытно, что в то же самое время на Западе, в Германии, в разгар так называемого балканского кризиса, школьники

младших классов с наивным простодушием заявляли во время телеанкеты, что хотят «стать сербами, когда вырастут», «потому что сербы никогда не лгут и никого не боятся» [3, с. 74]).

Сей героический архетип не утратившего исторической памяти народа в значительной мере отражает и современная сербская культура. Последнее необходимо учитывать и отечественным славистам и сербистам, зачастую подходящим к сербам с «общими» мерками и упорно не замечающим их национального естества за «эмансипированным» югославянством, которое на поверку оказывается фикцией. Перед глазами у нас вопиющий пример беспомощности отечественной сербистики, до сих пор не определившейся даже с лингвистической терминологией (сербский язык, сербскохорватский или «какой-то еще, а может, даже и не один»). А ведь давным-давно опубликована «Декларация о сербском языке» (1998)⁴, ставшая достойным филологическим, культурологическим и правовым ответом на вызовы псевдонаучной агрессии, подпитываемой давними ненавистниками славянской и европейской цивилизации. Автор этих строк еще десять лет назад предупреждал о том, что наши «югослависты», не способные видеть дальше переводных инструкций титоистского пропагандистского аппарата, активно действующего, к сожалению, и после смерти Тито, «уже сейчас готовы признать право на существование за «боснийским языком», а в перспективе – и за «черногорским»» [8, с. 20]. В скором времени это и произошло. И происходит до сих пор, принимая порой анекдотические формы, когда о сербской языковой ситуации берутся судить люди, не способные даже толком читать по-сербски. Еще более плачевная ситуация складывается в области художественного перевода, особенно – перевода поэтического. Когда-то, еще в советские времена, переводы сербской поэзии – в целях пресечения «реакционной славящины» – были отданы на откуп ремесленникам, практически не знавшим языка и творчества авторов, которых они «переводили», глядя на это дело, прежде всего, как на удобную кормушку. А потому не утруждали себя постижением идейно-эстетического смысла конкретных произведений, не стремились вникнуть в поэтику славянской традиции, о коей с восхищением отзывались Гёте и Якоб Гримм, Пушкин и Мицкевич.

Есть в сербском языке такое слово и понятие – *понорница*. Река, скитающаяся среди скалистых

⁴ Слово о српском језику. Фонд истине о Србима. Београд, 1998. 73 с.

теснин, уходящая под землю – под гнетом каменных громад, но потом снова вырывающаяся на поверхность. Иногда десятки километров течет она в толще горной породы и кажется, что никогда уже не пробиться ей к древнему солнцу, не увидеть ярко-синее, как глаза славянских детей, балканское небо.

Кому-то, безусловно, хотелось бы, чтобы славянская родовая память никогда не вырвалась из-под спуда условностей века сего. Однако времена меняются. Сербские «глубины праотцовства» (выражение крупнейшего современного поэта Мати Бечковича) влекут к себе новое поколение исследователей и читателей, лучшим подтверждением чему служат массовые манифестации, подобные поэтическому конкурсу, о котором речь шла в самом начале настоящей статьи. «Мой сербский народ, по своему устройению духа и идеалам, есть величайший христианин меж народами, – с гордостью писал уже цитированный нами Йован Дучич, – прежде всего, он более, чем кто-либо, обожествил героизм и мученичество, один идеал – греческий, а другой – арийский, и оба – воплощенные в Христе...» [2, с. 80]. Традиции сербской классической литературы, всегда органически сочетавшей в себе православную духовность и славянское смиренномудрие с европейским волевым порывом и деятельным началом, оказались близки и понятны русским людям в XXI веке. Тем из них, кто неравнодушен к судьбе собственной Родины и славянства в целом.

Литература

1. Владика Николај Велимировић. Српском народу кроз тамнички прозор. Цетиње, 1996. 253 с.
2. Дучић, Ј. Највећа фигура дванаестог века // Венац Светога Саве. Библиотека „Глас Цркве“. Посебна издања, књига VII. Шабац, 1988. С. 80-81.
3. Kalajić Dragoš. Američko zlo (2). Ogledi 1993-1998. Beograd: IKP „Nikola Pašić“, 1998. 298 с.
4. Леонтьев, К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. М.: Эксмо, 2007. С. 127-237.
5. Милосављевић, П. Српско питање и србистика. Бачка Паланка, Ваљево: Књиготворница Логос, 2007. 250 с.
6. Св. Николай Сербский. Сербский Народ как Раб Божий / Пред. и пер. с серб. И. Числова. М.: Паломник, 2004. 143 с.
7. Sekulić, I. Balkan. Beograd, 2005. 82 с.
8. Српско питање и србистика. Реферати и саопштења. Зборник радова 1. Приредили П. Милосављевић, М. Суботић. Бачка Паланка, Ваљево: Књиготворница Логос, 2007. 530 с.
9. Творения святителя Николая Сербского (Велимировича) / Под общ. ред. И.М. Числова. Т. X. Миссионерские письма. М.: Паломник, 2012. 541 с.
10. Трубочев, О.Н. Slavica Danubiana Continuata. Продолжение разысканий о древних славянах на Дунае. Сербский лексикограф. Белград, 1996. 38 с.

11. Числов, И.М. Апостол Европы и Славянства. Вступительная статья. // Творения святителя Николая Сербского (Велимировича) / Под общ. ред. И.М. Числова. Т. I. Библиейские темы. М.: Паломник, 2005. С. 5–50

12. Числов, И.М., Бондаренко, Н.А. Сербия в сердце моем... Юбилейный выпуск к пятилетней годовщине конкурса сербской поэзии и песни. М.: Паломник, 2015. 32 с.

13. Ђоровић, В. Историја Срба. Подгорица: Октоих: Нова књига; Ријека: Леокомерц, 2005 (Нови Сад: Артпринт). 924 с.

References

1. Bishop Nikolaj Velimirović. *The Serbian People Through the Prison Window*. Cetinje, 1996. 253 p. (in Serb.)
2. Ducic, J. The highest figure of the twelfth century. *The Crown of Saint Sava*. Special editions, Book VII. Sabac, 1988. Pp. 80-81. (in Serb.)
3. Kalajić, D. *American Evil (2). Hits 1993-1998*. Belgrade: IKP «Nikola Pasic», 1998. 298 p. (in Serb.)
4. Leontiev, K. N. Byzantium and the Slavs. *East, Russia and the Slavs*. Moscow: Eksmo, 2007. Pp. 127-237. (in Russ.)
5. Milosavljević, P. *Serbian Question and Serbistics*. Backa Palanka, Valjevo: Logos, 2007. 250 p. (in Serb.)
6. St. Nicholas of Serbia. *Serbian People as Servants of God*. Transl. I. Chislov. Moscow: Palomnik, 2004. 143 p. (in Russ.)
7. Sekulić, I. *Balkan*. Beograd, 2005. 82 p. (in Serb.)
8. *Serbian Question and Serbistics*. The papers and press releases. Collection 1. Ed. by P. Milosavljević and M. Subotić. Backa Palanka, Valjevo: Logos, 2007. 530 p. (in Serb.)
9. *Proceedings of St. Nicholas Serbian (Velimirovic)*. Ed. I. M. Chislov. Vol. X. Missionary Letters. Moscow: Palomnik, 2012. 541 p. (in Russ.)
10. Trubachev, O. N. *Slavica Danubiana Continuata. Continuation of Researches about the Ancient Slavs on the Danube. Serbian Lexicographer*. Belgrade, 1996. 38 p. (in Russ.)
11. Chislov, I. M. Apostle of Europe and Slavdom. *Proceedings of St. Nicholas Serbian (Velimirovic)*. Ed. I.M. Chislov. Vol. I. Biblical Themes. Moscow: Palomnik, 2005. Pp. 5-50. (in Russ.)
12. Chislov, I. M. and Bondarenko, N. A. *Serbia in My Heart ... The Jubilee Edition for The Fifth Anniversary of the Competition of the Serbian Poetry and Songs*. Moscow: Palomnik, 2015. 32 p. (in Russ.)
13. Corovic, V. *History of the Serbs*. Podgorica: Oktoih: New book; Rijeka: Leokomerc, 2005 (Novi Sad: Artprint). 924 p. (in Serb.)

ОБ АВТОРЕ:

Числов Илья Михайлович, кандидат филологических наук, председатель Общества Русско-Сербской дружбы, член Союза писателей России и Союза писателей Сербии. E-mail: i.chislov@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Ilya M. Chislov, PhD in Philology, Chairman of the Society of Serbian-Russian Friendship, a member of the Russian Union of Writers and the Union of Writers of Serbia. E-mail: i.chislov@bk.ru